

Режиссер
Денис ЕВСТИГНЕЕВ:
«Впереди —
никого нет»

Архив ЕВМ

Фильм «Мама» ждали давно. Говорили о съемках, о великодушных актерах, занятых в картине, — Нонне Мордюковой, Олеге Меньшикове, Владимире Машкове, Евгении Миронове... А какая была реклама! Да и премьера в Концертном зале «Россия» в присутствии политического и культурного бомонда впечатляла. Но вот мнения о «Маме» оказались самыми разноречивыми. Многим зрителям в принципе фильм нравится, но критики усмотрели в нем множество просчетов, нестыковок отдельных эпизодов. Да и «идея» выражена достаточно невнятно. А что думает о картине сам режиссер? Почему он так долго — почти пять лет после «Лимиты» — не снимал «большое» кино? Мой собеседник — Денис ЕВСТИГНЕЕВ.

Игорь ГАВРИКОВ

— Денис, что привело вас в режиссуру, ведь вы были отличным оператором? «Такси-блюз», «Луна-парк», «Армавир», «Слуга» — фильмы очень заметные.

— Во-первых, я всегда хотел быть режиссером, а во-вторых, возникли условия, когда я смог им стать — один из моих друзей стал продюсером. С ним мы и сделали «Лимиту». То было время, когда советское кино кончилось, а новое, свободное, еще не появилось. Провал тут же заполнили дешевые боевики — снимать мне их было неинтересно, и я сменил профессию.

— Что вам как режиссеру больше всего мешает во время съемок?

— Неуверенность, конечно. Неуверенность в себе, в том, что ты делаешь, невозможность показать другим свою неуверенность, необходимость скрывать ее, чтобы люди вокруг тебя думали, что ты твердо знаешь, какое кино снимаешь. А на самом деле при-

ходишь домой вечером и думаешь: «И чего я там наснимал?!». Ответственность — самый тяжелый груз. Когда ты знаешь, что впереди тебя никого нет. Это чувство довольно опасное и присутствует всегда, когда я снимаю. Если вы увидите самоуверенного режиссера, кричащего, что у него все точно расписано, не верьте ему.

— «Лимиту» тепло встретили и зрители, и критики. И вдруг вместо того, чтобы снимать другой фильм, вы приступаете к рекламным роликам для ОРТ «Русский проект», к историям о том, что все у нас будет хорошо. Вот тут вам досталось: проект называли и слащавым, и непродуманным...

— Я хотел сказать, что мы можем потерять с этой новой жизнью душевность, тепло. Отсутствие прагматизма — то, что отличает нас от других. Мне кажется, любовь, дружба, материнство — главное в нашей жизни. Вот в чем смысл «Русского проекта».

— Смысл-то смыслом, но как-то все «простые истины» уж чересчур выглядели просто. Правда, акте-

Преступление и покаяние

ры играли хорошие — даже Михалков снялся.

— У нас общество очень политизировано. И когда показывают по первому, такому политическому каналу что-то невинное, люди сразу видят за этим восемь пластов. Я сам такой: смотрю по десять выпусков новостей в день и склонен к политическому видению. Просто сам по себе телевизор — вещь опасная: он все утрирует, меняет форму всего. Уже два года экран заполнен другими заставками, а мне до сих пор звонят из западных фирм и просят: «Сделайте нам рекламу в стиле «Русского проекта».

— И вы делаете?

— Да нет, конечно.

— Почему? Это же хорошие деньги.

— Я не хочу дискредитировать «Русский проект» рекламой, потому что это было дело абсолютно бескорыстное. Вот если бы еще снять один заход — я бы сделал. А потом из «Русского проекта» вырос мой новый фильм. На съемках «Проекта» познакомился с Нонной Викторовной Мордюковой и захотел снять с ней большой фильм. Начался поиск материала...

— У вас в «Маме» вообще удивительный актерский состав.

— У нас давние теплые отношения с ребятами. С кем-то я дружу близко. И, конечно, это большая удача — собрать таких актеров вместе. Это же не просто звездный, а сверхзвездный состав: молодое поколение наших лучших актеров и Нонна Викторовна — героиня большого советского кино.

— Денис, ваш новый фильм волюн или неволюн сравнивают

с нашумевшей историей семьи Овечкиных, их ансамбля «Семь Симеонов», пытавшихся в свое время угнать самолет. Сюжет «Мамы» как-то связан с историей Овечкиных?

— Мы со сценаристом Арифом Алиевым, естественно, вспомнили историю Овечкиных, и она послужила отправной точкой для сценария. Только отправной. Реальная история не имеет никакого отношения к фильму. В первый раз, когда я встретился с Арифом, мы задали друг другу вопрос: «А зачем они угоняют самолет?». Прошло два с половиной года. Я как тогда не мог ответить на него, так и сейчас. Вот две версии, берите любую: это акт или какого-то сумасшествия, или просто полной дурости. Мы не могли принять такие версии и поэтому придумали несколько «подпорок» для того, чтобы зрителю хоть как-то был понятен поступок семьи. Но полного объяснения, почему благополучная, известная, талантливая семья угоняет самолет, у нас нет. Только лишь наметки: один из детей — инвалид. Мать хотела вылечить его за границей.

— А тогда, когда семья Овечкиных угоняла лет двадцать назад самолет, было ли объяснение?

— Тогда тоже не было. По крайней мере я его не знаю. Может быть, дети выросли, и она, теряя их — кто-то уходил в армию, другой женился, — решила таким образом не отпускать их от себя.

— Так о чем же ваша картина?

— Она о когда-то совершенном преступлении и покаянии.

— В героине Мордюковой уже кто-то увидел Родину-мать, соби-

рающую пусть плохих, но своих детей вместе, Родину, когда-то перед ними провинившуюся...

— Я к этому отношения не имею. Что называется, «без комментариев». Мы делали картину про конкретных людей, а подобные обобщения — дело зрителей, критиков, а не мое.

— Сейчас, после премьеры, будете отдыхать?

— Главное, чтобы это не засосало. После «Лимиты» я немного расслабился, теперь надеюсь такую ошибку не повторить.

— Ну а все-таки: где и как вы предпочитаете расслабляться?

— Мне не надо менять город, климат. Я люблю отдыхать дома, чтобы все было по старинке: с друзьями встречаться люблю, чтобы в гости они приходили, выпивать с ними люблю под закуску хорошую, люблю телевизор смотреть, читать, в рестораны ходить. В ночные клубы, на дискотеки, на тусовки некиношные не хожу. На велосипеде не катаюсь. В теннис играю, очень люблю это дело.

— Сейчас вы работаете над сценарием нового фильма — о желтой прессе. Чем она вас так заинтриговала?

— А вы знаете, ведь это очень энергичная вещь! Мир желтой прессы отвечает сегодняшнему уровню нравственности. Что раньше казалось невозможным — сегодня кажется возможным, правильным и хорошим. Чтобы показать время, достаточно показать желтую прессу. Меня интересует не добывание, а выдумывание информации. Когда информация делают.

— Представляете, если вы снимете фильм о желтой прессе, как она на вас отыграется!

— Представляю. Хорошо отыграется. В отношении рекламы картине это даже очень хорошо. Вся пресса устроит промоушн фильму вне зависимости от того, хочет она этого или нет. Потому что наш фильм будет первым на эту тему.

P.S. На Открытом российском фестивале в Сочи фильм Дениса Евстигнева «Мама» получил спецприз за лучший актерский состав.

— Нонна Викторовна, а если эту сцену попробовать по-другому?

Рек. Машкова — 1999 — 16 июня — 45